

РАССКАЗЫ

ВЕЧЕР С НИГИЛИСТАМИ

— Эй, Робинсон, хозяин вас к себе требует!

«Вот ещё! Какого чёрта ему надо?» — подумалось мне, ибо мистер Диксон, одесский агент фирмы «Бэйлей и К^о, торговля хлебом», отличался на редкость крутым нравом, в чём мне, к своему прискорбию, не раз довелось убедиться на собственном опыте.

— Что там ещё стряслось? — спросил я своего товарища-конторщика. — Прослышал что-то о наших дурачествах в Николаеве?

— Кто ж его знает, — ответил Грегори. — Старик, видать, в хорошем настроении; скорей всего, какое-то дело. Только не заставляй его ждать!

Приняв вид оскорблённой невинности, дабы быть ко всему готовым, я вступил в логово льва.

Мистер Диксон стоит перед камином в истинно английской, освящённой традицией позе. Весь вид его — сама деловитость. Жестом он указывает мне на стул перед собой.

— Мистер Робинсон, — начинает он, — я не сомневаюсь в вашем благоразумии и здравом смысле. Порой, конечно, прорывается юношеская дурь, но в целом, полагаю, под внешним легкомыслием кроется честный и благородный характер.

Я поклонился.

— Насколько я знаю, — продолжает он, — вы бегло говорите по-русски?

Я почтительно склонил голову.

— Коли так, я намерен дать вам поручение, от успешного выполнения которого зависит ваше дальнейшее продвижение по службе. Я никоим образом не доверил бы его подчинённому, но обстоятельства в данный момент не позволяют мне отлучиться.

— Можете быть уверены, сэр, я вас не подведу, — заверил я с приличествующей случаю поспешностью.

— Очень хорошо, сэр, иного я и не жду. Сейчас вкратце объясню, что вам предстоит сделать. Только что открылась железнодоро-

рожная ветка до Жолтева — это небольшой городок в полуторасти милях отсюда. Так вот, мне хотелось бы раньше других одесских фирм начать закупки продуктов в этих краях, разумеется по самым низким ценам. Вы отправитесь на поезде в Жолтев, повидаетесь там с господином Демидовым, самым богатым землевладельцем в уезде. Постарайтесь сойтись с ним на самых выгодных для нас условиях. Имейте в виду: и я, и мистер Демидов желаем, чтобы дело было улажено тихо и, насколько возможно, втайне — словом, чтобы никто ничего не знал до той минуты, как зерно появится в Одессе. Я хочу этого в интересах фирмы, Демидов — из-за угроз крестьян, противящихся вывозу зерна за пределы уезда. Вас встретят на вокзале. Отправиться вам необходимо сегодня же вечером, получив предварительно деньги на необходимые расходы. Желаю успеха, мистер Робинсон! Надеюсь, вы оправдаете моё доброе мнение о ваших деловых качествах.

— Грегори, — проговорил я, входя в контору с чувством собственной значительности, — хозяин посылает меня с поручением! Заметь, голубчик: с секретным поручением. Речь идёт о тысячах фунтов! Одолжи-ка мне свой дорожный чемоданчик — мой, знаешь ли, слишком бросается в глаза — и вели Ивану уложить мне вещи. Меня ждёт русский миллионер. И учти: ни слова никому из нашей шатии в конторе Симкинса, не то мы всё дело провалим. В общем, будь нем как рыба, дружище!

Как меня восхищала моя исполненная таинственности роль! В избытке чувства возложенной на меня ответственности я в глубокой задумчивости целый день прослонялся по конторе с видом отъявленного заговорщика. И когда вечером я украдкой явился на станцию, случайный наблюдатель по моему поведению, конечно бы, заключил, что я только что ограбил какую-нибудь кассу, содержимое которой упрятал в маленький чемоданчик Грегори. Кстати, с его стороны было ужасно неосторожно оставить на чемодане английские наклейки, пестревшие там и сям. Мне оставалось только надеяться, что все эти «Лондоны» и «Бирмингемы» не обратят на себя внимания или что, на худой конец, ни один из торговцев хлебом и зерном не сумеет догадаться по ним, кто я и в чём состоит моя миссия.

Заплатив деньги и получив билет, я притаился в уголке удобного русского вагона и предался мечтам о неожиданном счастье, на меня свалившемся. Диксон становится стар, и, если я сумею ухватиться как следует, передо мной откроются небывалые перспекти-

вы. В мечтах я добрался до компаньонства в фирме. Колёса, казалось, громко и ровно выстукивали: «Бэйлей, Робинсон и К°», «Бэйлей, Робинсон и К°». Этот однообразный рефрен навевал непреодолимую дремоту, и я в конце концов погрузился в тихий и глубокий сон. Да, знай я, что меня ожидает в конце пути, едва ли бы я смог тогда почивать в своё удовольствие.

Проснулся я с неприятным чувством, что кто-то пристально на меня смотрит. Я не ошибся: высокий смуглый человек сидел на противоположной скамейке, и его чёрные пытливые глаза сверлили меня, словно пытаясь заглянуть мне в самую душу. Потом я заметил, что он перевёл свой взгляд на мой чемодан.

«Боже правый, — подумал я, — это наверняка агент Симкинса. Надо же было Грегори, болван он безголовый, оставить свои дурацкие наклейки!»

На минуту я закрыл глаза, а открыв их, вновь поймал на себе пытливый взгляд незнакомца.

— Я вижу, вы из Англии? — спросил тот по-русски, показывая ряд белых зубов и раздвигая губы, что у него, вероятно, означало любезную улыбку.

— Да, — отвечал я, стараясь напустить на себя беззаботный вид, но с тоской чувствуя, что у меня это не выходит.

— Должно быть, путешествуете для собственного удовольствия? — спрашивает этот тип.

— Да, — горделиво отвечаю я, — разумеется, для собственного удовольствия, для чего же ещё?

— Несомненно, ради чего же ещё? — подтвердил он с оттенком насмешки в голосе. — Англичане всегда путешествуют удовольствия ради, не правда ли? Только так и не иначе.

Подобное поведение было по меньшей мере странно. Объяснений тому могло быть только два: либо он сумасшедший, либо — агент какой-нибудь фирмы, посланный с тем же поручением, что и я, и желавший теперь показать мне, что он видит меня насквозь.

Любое из этих предположений было одинаково неприятно, и я почувствовал немалое облегчение, когда поезд въехал наконец в какой-то низкий сарай, игравший, по-видимому, роль вокзала в процветающем городке под названием Жолтев. Здесь я был призван оживить промышленность и направить местную кустарную торговлю в великое мировое русло. И потому, ступив на платформу, я ожидал увидеть чуть ли не Триумфальную арку в свою честь.

Меня должны были встретить, как предупреждал мистер Диксон. Я вглядывался в серую толпу, двигавшуюся по перрону, но

господина Демидова нигде не мог обнаружить. Внезапно человек славянского типа, с небритым подбородком, быстро прошёл мимо и глянул сперва на меня, а потом на мой чемодан — причину всех моих тревог. Он тут же исчез в толпе, но вскоре снова появился и, проходя рядом и почти коснувшись меня, прошептал:

— Следуйте за мной, но на расстоянии.

Засим он весьма притко направился из вокзала на улицу. Да, таинственности не занимать! Я бежал за ним следом с чемоданом в руке и, свернув за угол, вдруг натолкнулся на грязные дрожки, меня поджидавшие. Мой небритый друг распахнул замызганную дверцу, и я смог взобраться на протёртое сиденье.

— А что, господин Деми... — начал было я.

— Тсс! — шёпотом прервал он меня. — Никаких имён, никаких! Даже у стен есть уши. Сегодня вечером вы всё узнаете.

С этим туманным уверением он захлопнул дверцу, сел на козлы, хлестнул лошадей — и мы взяли с места в карьер такой рысью, что мой черноглазый знакомец по купе, которого я вдруг заметил на улице, в изумлении остановился и ещё долго провожал нас взглядом, пока мы не исчезли у него из виду.

Трясаясь в отвратительной, лишённой рессор повозке, я предавался размышлениям о странных обстоятельствах своего дела.

«Да, а ещё говорят, что дворяне — угнетатели России, — размышлял я. — Видать, всё как раз наоборот, взять хотя бы того же несчастного господина Демидова. Ведь он боится, что его же бывшие крепостные восстанут и убьют его, коли он, вывозя из уезда зерно, подымет на него цену. Вообразите себе только, что вы вынуждены прибегать ко всей этой таинственности и скрытности для того только, чтобы продать свою же собственность! Это, пожалуй, даже похуже, чем быть ирландским помещиком. Просто чудовищно! Однако он, как погляжу, живёт не в особенно-то аристократическом квартале», — заключил я свои размышления, оглядев узкие кривые улицы и грязных, дурно одетых москвитов, попадавшихся по дороге. Жаль, что со мною нет Грегори или ещё кого-нибудь из наших, — дело-то ведь опасное, отчаянное-таки дело! Здесь ведь и горло могут перерезать. Ах, боже мой! Он натягивает вожжи. Кажется, приехали!

Да, по всей видимости, мы и впрямь приехали: дрожки встали и косматая голова моего возницы показалась передо мной.

— Это здесь, премногоуважаемый мэтр, — сказал он, помогая мне выйти.

— Что же господин Деми... — начал я.

Но он снова прервал меня.

— Что угодно, только не имена, — прошептал он. — Никого, решительно никого, ради всего святого, не называйте! Вы привыкли жить у себя в свободной стране, здесь же совсем не то. Будьте осторожнее, высокочтимый!

И он свёл меня по выложенному камнями проходу, затем помог подняться по лестнице в конце его.

— Посидите несколько минут в этой комнате, сударь, — сказал он, отворяя дверь, — а тем временем вам будет приготовлен ужин.

С этими словами он ушёл и оставил меня наедине с моими думами.

«Ладно, — подумал я, — каков бы ни был дом Демидова, слуги его, во всяком случае, хорошо вышколены. Святители божьи! — „премногоуважаемый мэтр“!.. Ха-ха! Хотел бы я знать, как он называет старика Диксона, коли так вежлив с его конторщиком?.. Хорошо бы выкурить здесь трубочку. Кстати, помещение выглядит как-то по-тюремному».

И в самом деле, оно было похоже на тюрьму: дверь железная и необыкновенно крепкая, а единственное окно заделано частой решёткой. Деревянный пол скрипел и гнулся под моими шагами. И пол, и стены были запачканы кофе или какой-то другой тёмной жидкостью. В общем, это было далеко не то местечко, где у человека могут возникнуть причины развеселиться.

Едва я окончил свой осмотр, как услышал в коридоре звук приближающихся шагов и дверь открыл мой приятель по дрожкам. С многочисленными поклонами и извинениями за то, что оставил меня в «расходной комнате» — или «комнате для расходов» — буквально так он и назвал её, а я что-то не знаю, как это правильное перевести с русского на английский, он объявил, что обед готов, и повёл меня по коридору в большую, великолепно убранную комнату. В центре был накрыт стол на двоих, а около печи стоял человек несколько старше меня. При моём появлении он обернулся и шагнул мне навстречу с выражением глубочайшего почтения.

— Вы так молоды, а уже так знамениты! — воскликнул он и, с видимым усилием овладев собой, продолжил: — Прошу вас, займите место во главе стола. Вы, без сомнения, устали после долгого и опасного путешествия. Мы пообедаем здесь *tête-à-tête*¹, а остальные соберутся после.

¹ С глазу на глаз (*фр.*).

— Господин Демидов, я полагаю? — спросил я.

— Нет, — ответил он, устремляя на меня взгляд зелёных пронзительных глаз. — Меня зовут Петрухин. Вы, вероятно, меня с кем-то путаете. Но теперь ни слова о деле, пока не соберётся совет. Отведите-ка супа, непревзойдённый шедевр нашего повара. Он, как вы убедитесь, своё дело знает.

Кто такой этот Петрухин или другие, о которых он говорил, я не мог себе представить. Приказчики Демидова, скорее всего.

Странно, правда, что фамилия Демидов незнакома моему собеседнику. Так как он казался нерасположенным заниматься какими бы то ни было деловыми вопросами, я также отбросил их в сторону и разговор наш перешёл на общественную жизнь Англии — предмет, относительно которого он проявил большую осведомлённость. Также и его замечания насчёт теории Мальгуса¹ и законов роста населения были на редкость интересны, хотя и страдали излишним радикализмом.

— Кстати, — сказал он, когда мы за вином закурили сигары, — мы бы ни за что не узнали вас, если б не английские наклейки на вашем чемодане. Какое счастье, что Александр обратил на них внимание! У нас не было ваших примет, и мы, честно говоря, ожидали встретить человека гораздо старше вас. Вы, нельзя не признать, очень молоды, принимая важность вашего поручения.

— Руководство мне доверяет, — ответил я. — К тому же людям, занимающимся нашим ремеслом, давно известно: молодость делу не помеха.

— Ваше замечание, сударь, вполне справедливо, — отвечал мой вновь обрётённый друг, — хотя меня несколько удивляет, что вы изволили назвать нашу славную деятельность «ремеслом». В данном термине, как мне кажется, содержится нечто низменное, и он не очень-то подходит людям, соединившим свои усилия во имя благороднейшей цели — дать человечеству то, что ему всего нужней,

¹ *Томас Роберт Мальтус* (1766–1834) — английский экономист и священник, взгляды которого впоследствии были крайне несимпатичны марксистам, определявшим мальтузианство как «систему человеконенавистнических взглядов». Мальтус вульгаризировал принципы экономиста А. Смита и в таком виде противопоставлял их теориям Д. Рикардо. Суть этой системы заключается в утверждении, что существуют некие извечные естественные законы населения, заключающиеся в том, что население размножается быстрее, чем увеличиваются средства, необходимые для существования людей. Единственный способ для уменьшения нищеты сторонники мальтузианства видели в сокращении численности населения. — *Здесь и далее примечания составителя настоящего сборника, кроме указанных особо.*

но чего без наших усилий оно, как вы понимаете, никогда не получит. Братство духа — вот, пожалуй, название, которое нам больше всего подходит.

«Боже праведный, — подумал я, — какое бы удовольствие было старику Диксону послушать его! Этот малый сам, видать, большой делец, как бы он там себя ни называл».

— Ну-с, сударь, — сказал Петрухин, — часы показывают восемь, и совет, вероятно, уже собрался. Пойдёмте, я представляю вас. Думаю, излишне напоминать, что всё совершается в строжайшей тайне и что вашего появления ожидают с большим нетерпением.

Я обдумывал, пока шёл за ним следом, как мне лучше исполнить моё поручение и добиться наиболее благоприятных условий. Повидимому, им не терпится в этом деле не менее моего, и мне кажется, противоречий я не встречу. Так что лучше всего будет выждать их предложения.

Едва я пришёл к этому заключению, как мой проводник отворил настежь большую дверь в конце коридора и я очутился в помещении большем и ещё изысканнее убранном, чем то, в котором обедал. Длинный стол, покрытый зелёным сукном и усыпанный бумагами, занимал середину, и вокруг него сидело человек четырнадцать-пятнадцать, оживлённо разговаривая. В общем, сцена помимо воли напомнила мне игорный дом, который я посетил накануне. При нашем входе всё общество встало и поклонилось.

Я не мог не заметить, что на моего спутника внимания обращено было очень мало, все взоры устремились на меня, в них была странная смесь удивления и почти рабского почтения. Человек, сидевший на председательском месте, — лицо его было страшно бледно, особенно из-за его иссиня-чёрных волос и усов, — указал мне на место рядом с ним, которое я и не замедлил занять.

— Едва ли мне нужно повторять, — сказал господин Петрухин, — что Густав Берджер, агент из Англии, почтил нас в настоящее время своим присутствием. Он, конечно, молод, Алексей, — продолжил он, обращаясь к моему бледнолицему соседу, — но приобрёл уже европейскую известность!

«Ладно, ваяя себе», — подумал я, а вслух прибавил:

— Если это относится ко мне, то хоть я и действительно английский агент, но предпочёл бы, чтобы меня называли вовсе не Берджером, а Робинсоном, — Том Робинсон к вашим услугам, господа!

Взрыв смеха был ответом на мою вежливую реплику.

— Пусть будет так, пусть будет так, — сказал человек, которого назвали Алексеем. — Я могу понять вашу осмотрительность, милостивый государь. Осторожность никогда не повредит. Вы вольны сохранять ваше английское инкогнито. Мне очень жаль, что сегодняшней вечер, — продолжил он, — омрачится исполнением тяжёлого долга. Но что бы мы ни чувствовали, правила нашего общества должны неукоснительно соблюдаться и «расход» сегодняшним вечером неизбежен.

«Куда он, чёрт его побери, клонит? — подумал я. — Какое мне дело, если у них тут какие-то расходы? Этот Демидов, бес ему в ребро, содержит, видать, частный дом умалишённых».

— Вынуть кляп!

От этих слов меня словно током ударило, и я подпрыгнул в своём кресле. Сказал их Петрухин. В первый раз я заметил, что руки дюжего, рослого человека, сидевшего на другом конце стола, были привязаны позади стула и что рот его завязан носовым платком. Куда я попал? У Демидова ли я? Кто были эти люди с их странными речами?

— Вынуть кляп! — повторил Петрухин, и платок оказался снят.

— А теперь, Павел Иванович, — заговорил он, — что вы имеете сказать напоследок?

— Господа, только не расход! — взмолился несчастный. — Что хотите, господа, только не надо расхода! Я уеду далеко отсюда, мой рот будет замкнут навсегда. Я сделаю всё, что потребует общество, но, молю, не расходуйте меня!

— Наш закон вам известен, и вы знаете, в чём ваше преступление, — спокойно и неумолимо отвечивал Алексей. — Кто выманил нас из Одессы своим лживым языком и двуличием? Кто написал анонимное письмо губернатору? Кто, наконец, перерезал проволоку взрывного устройства, из-за чего тиран не взлетел на воздух? Всё это ваши заслуги, Павел Иванович, и смерть — единственное, что теперь вас ожидает.

Я откинулся на спинку кресла, мне не хватало воздуха.

— Увести его! — приказал Петрухин.

Человек, управлявший дрожками, и двое других силой выволокли несчастного из комнаты.

Я слышал шаги по коридору и скрип отворяемой и вновь закрываемой двери. Затем послышался шум борьбы, закончившейся ужасным, леденящим душу хрустом, глухим стоном и звуком падения чего-то тяжёлого на пол.

— Такая участь ждёт каждого, кто нарушит клятву, — замогильным голосом возвестил Алексей, и хриплое «аминь» из уст собравшихся было ему ответом.

— Только смерть может уволить человека из нашего братства, — добавил какой-то другой участник странного сборища. — Но господин Бер... господин Робинсон бледен. Эта сцена, должно быть, слишком тяжела для него после долгой дороги.

«О Том, Том, — подумал я, — если ты только выберешься из этой напасти, ты откроешь новую страницу своей жизни. Ты не готов к смерти, это факт».

Теперь мне всё стало яснее ясного: по странному недоразумению я попал в логово отъявленных нигилистов, которые по ошибке приняли меня за одного из своих. Я оказался невольным свидетелем столь многого, что вряд ли меня оставили бы в живых, соверши я сейчас какую-нибудь оплошность. Поэтому я решил и далее играть нелепую роль, так неожиданно на меня свалившуюся, покуда не представится какой-нибудь удобный случай бежать от шайки отвратительных извергов. Я сделал над собой невероятное усилие, пытаюсь улыбнуться.

— Нет-нет, что вы! Я, конечно, малость устал с дороги, — отвечал я, — но это всё вздор. Просто минутная слабость...

— Так это вполне естественно, — заявил человек с густой бородой, сидевший от меня справа. — Не соблаговолите, досточтимый мэтр, рассказать нам, как продвигается наше дело в Англии?

— Успех превосходит все ожидания, — отвечал я.

— Не удостоил ли нас Верховный Комиссар чести отправить с вами инструкции для жолтевского отделения?

— *Не на бумаге*, — отвечал я шёпотом.

— Но он говорил о нас?

— Да, он сказал, что наблюдает за вами с живейшим интересом и чувством глубокого удовлетворения, — вернул я.

В рядах сидящих вокруг стола пробежал шёпот:

— Очень приятно это слышать... Очень приятно...

Голова у меня кружилась; размышляя о безвыходности своего положения, я чуть не падал в обморок. Ведь в любую минуту случайно заданный вопрос мог обнаружить перед ними, что я самозванец. Я встал и подошёл к маленькому столику в углу, на котором стоял графин с водкой. Налив себе рюмку и выпив её, я почувствовал, что живительная влага охватила мой мозг; и, садясь вновь,

преисполнился беспечности, которая помогла мне увидеть нечто даже забавное в моём теперешнем положении. И тогда у меня возникла мысль поиграть со своими мучителями. Впрочем, сознание моё оставалось вполне ясным.

— Бывали вы в Бирмингеме? — спросил бородач.

— И не раз, — отвечаю я.

— Тогда вы, конечно, видели секретную мастерскую и арсенал?

— Мне часто доводилось бывать в них.

— Надеюсь, полиция до сих пор ничего не подозревает? — продолжил он свой допрос.

— Ровным счётом ничего, — подтвердил я.

— Не расскажете ли вы нам, как удаётся держать в секрете столь большое дело?

Вот и закавыка. Но моя природная сообразительность и выпитая водка, по-видимому, пришли мне на помощь.

— Такого рода сведения, — ответил я, — я не чувствую себя вправе разглашать даже здесь. Скрывая их, я действую лишь в соответствии с указаниями Верховного Комиссара.

— Да, да, конечно, вы совершенно правы, — сказал мой первый знакомец Петрухин. — Прежде чем входить в такого рода детали, вам необходимо, разумеется, сделать соответствующий доклад центральному комитету в Москве.

— Именно таково моё намерение, — отвечивал я, донельзя счастливый, что выбрался из неприятного затруднения.

— Мы слышали, — продолжил Алексей, — что вас посылают осмотреть «Ливадию». Можете ли вы рассказать что-нибудь об этом?

— Спрашивайте, я постараюсь ответить в пределах мне дозволенного, — ляпнул я с решимостью отчаяния.

— Были ли даны какие-либо распоряжения касательно этого дела уже в Бирмингеме?

— В пору моего отъезда из Англии ещё не были.

— Да, конечно, время у нас пока ещё имеется, — согласился бородач, — ведь для подготовки нам понадобится не один месяц. Днище решено делать деревянным или железным?

— Деревянным, — ответил я наудачу.

— Конечно, так оно лучше, — сразу же подтвердил чей-то голос. — А какова ширина Клайда под Гринлоком?

— Разная, — ответил я, — в среднем около восьмидесяти ярдов.

— Сколько же человек вмещает судно? — спросил анемичный юноша в конце стола, место которому было скорее в школе, чем на этом сборище убийц.

— Около трёхсот, — сказал я.

— Плавучий гроб! — подвёл итог юный нигилист замогильным голосом.

— Цейхгаузы помещаются на одной палубе с каютами или ниже? — спросил въедливый Петрухин.

— Ниже, — сказал я решительно, хотя, ясное дело, не имел ни малейшего понятия, о чём идёт речь.

— И пожалуйста, последний наш вопрос, — сказал Алексей. — Какой всё-таки ответ дал Бауэр, германский социалист, на прокламацию Равинского?

Эта ловушка оказалась похитрее, чем всё, что было раньше! Неизвестно, как бы я вывернулся, но тут Провидение поставило передо мной новую задачу, куда тяжелее прежних.

Внизу скрипнула дверь и послышались быстрые, приближающиеся шаги. Затем раздался громкий стук в дверь, сопровождаемый несколькими более слабыми.

— Наш пароль! — вскричал Петрухин. — Однако мы все в сборе. Кто это может быть?

Дверь отворилась, и в комнату вступил человек, покрытый пылью и, видимо, измученный долгим путешествием. Фигура его, однако, сохранила повелительную осанку, на лице читались воля и железная решимость. Он оглядел сидевших вокруг стола, пристально всматриваясь в каждого. Присутствующие изумлённо зашептались. Похоже, никто из них его не знал.

— Что означает ваше вторжение, милостивый государь? — спросил мой бородатый приятель.

— Вторжение? — насмешливо переспросил незнакомец. — Мне сообщили, что меня здесь ждут, и я надеялся на более тёплый приём среди своих товарищей и единомышленников. Конечно, вы незнакомы со мною лично, но осмелюсь думать, что имя моё пользуется у вас некоторым уважением. Я Густав Берджер, агент из Англии, имеющий письмо от Верховного Комиссара к его преданным братьям в Жолтеве.

Взорвись здесь одна из их дьявольских бомб, это не вызвало бы такого изумления. Все взоры останавливались попеременно то на мне, то на вновь прибывшем агенте.

— Если вы и в самом деле Густав Берджер, — проговорил наконец Петрухин, — кто же тогда этот человек, с которым мы сейчас разговаривали?

— Вот мои верительные письма, они докажут вам, что я — Густав Берджер, — сказал незнакомец, бросая на стол пакет. — Кто же этот человек, я не имею ни малейшего понятия. Но если он явился на собрание под вымышленным именем, ясно, что он не должен вынести отсюда ни единого слова из услышанного. Скажите, — прибавил он, обращаясь ко мне, — кто вы и чем занимаетесь?

Я почувствовал, что час мой пробил. Револьвер лежал у меня в кармане сбоку, но что было толку в нём, дойди дело до схватки с этим сборищем головорезов? Я нащупал, однако, его рукоятку — так утопающий хватается за соломинку — и попытался сохранять хладнокровие, глядя на суровые мстительные лица, обращённые ко мне.

— Господа, — сказал я, — роль, которую я сыграл в этот вечер, была непреднамеренной с моей стороны. Я не полицейский шпион, как это вам, быть может, подумалось, но и не принадлежу к вашему почтенному сообществу. Я безобидный коммерсант, торговец хлебом, из-за удивительной ошибки помимо своей воли попавший в столь затруднительное положение.

На мгновение я умолк. Не знаю, только ли мне показалось, или я действительно услышал какой-то непонятный звук на улице — звук как бы тихих, крадущихся шагов. Нет, всё прекратилось; скорее всего, то было биение моего собственного сердца.

— Нет нужды говорить, — продолжил я как можно торжественнее, — что всё, что я слышал сегодня, будет свято сохранено. Клянусь честью, как джентльмен, что ни одно слово не будет выдано мною.

Известно, что чувства людей, попавших в большую физическую опасность, страшно обостряются, и, может быть даже, воображение в это время играет с ними странные шутки... Садясь, я повернулся спиной к двери и мог бы присягнуть, что слышал за нею чьё-то прерывистое дыхание. Быть может, это были те трое, кого я видел при исполнении их ужасных обязанностей, почувывшие, как ястребы, новую жертву.

Я оглядел сидевших. Всё те же жестокие, непреклонные лица, и ни тени сочувствия. Я взвёл в кармане курок револьвера.

Настала томительная тишина; суровый хриплый голос Петрухина нарушил её.

— Обещания легко даются и так же легко нарушаются, — изрёк он. — Есть только один способ обеспечить вечное молчание. Речь

идёт о нашей жизни или о вашей. Пусть скажет своё слово старший между нами.

— Вы правы, — сказал агент из Англии. — Есть только один выход. Этот человек должен пойти в расход.

Я знал уже, что это означает на их секретном жаргоне, и вскопчил на ноги.

— Клянусь Небом, — крикнул я, упёршись спиной в дверь, — вы не убьёте свободного англичанина, как барана! Первый же из вас, кто сунется, сразу отправится на тот свет!

Один из них бросился на меня. Я увидел по направлению прицела блеск ножа и дьявольское лицо Густава Берджера. Я спустил курок... и одновременно с хриплым воплем негодяя из Англии оказался брошен на землю страшным ударом сзади. Оглушённый и придавленный чем-то тяжёлым, я слышал над собой шумные крики и звуки ударов, а затем потерял сознание.

Очнулся я среди обломков двери. Напротив сидела дюжина людей, только что судивших меня; они были связаны по двое, их стерегли русские жандармы.

Около меня лежало тело горемычного английского агента; лицо его было обезображено выстрелом. Алексей и Петрухин также лежали на полу, истекая кровью...

— Ну-с, молодой человек, — раздался сердечный голос надо мною, — вы счастливо отделались.

Я взглянул вверх и узнал моего черноглазого знакомца по железнодорожному купе.

— Вставайте, — продолжил он, — вы только немного оглушены, кости целы. Немудрено, что я принял вас за агента нигилистов, коль они сами ошиблись. Как бы то ни было, вы единственный посторонний, который выбрался из этого логовища живым. Пойдёмте со мною наверх. Теперь я знаю, кто вы. Я провожу вас к господину Демидову. Нет, нет, не ходите туда! — воскликнул он, когда я было направился к двери комнаты, в которую меня отвели вначале. — Подальше отсюда! Для одного дня вы насмотрелись достаточно ужасов. Подите-ка сюда и выпейте рюмочку.

Пока мы шли в гостиницу, он объяснил мне, что желтевская полиция, начальником которой он состоит, получила соответствующее донесение и уже несколько дней ожидала приезда нигилистского посла. Моё появление в этом глухом местечке, таинственный вид и английские наклейки на чемоданчике Грегори довершили дело.

Мало что остаётся добавить. Мои друзья-социалисты были или сосланы в Сибирь, или казнены. Поручение своё я исполнил, к полному удовлетворению моих хозяев, и получил обещанное повышение. Надо признать, мои виды на будущее значительно изменились к лучшему после того кошмарного вечера, одно воспоминание о котором до сих пор заставляет меня содрогаться от ужаса.

1889

КРОВАВАЯ РАСПРАВА НА МЭНОР-ПЛЕЙС¹

Люди, изучавшие психологию преступления, знают, что главной его основой является непомерно развитый эгоизм. Себялюбец такого рода теряет всякое чувство меры, он только и думает что о себе; вся цель его заключается в том, чтобы удовлетворить собственные желания и прихоти. Что касается других людей, то соображения об их благе и интересах себялюбцу чужды и непонятны.

Порой случается, что к преступлению человека побуждают импульсивность его характера, мечтательность или ревность. Всё это бывает, но самая опасная, самая отталкивающая преступность та, что основана на себялюбии, доведённом до безумия. В английской литературе тип такого эгоиста выведен в лице сэра Виллоугби Паттерна. Сей господин безобиден и даже забавен до той поры, пока желания его удовлетворяются, но затроньте его интересы, не выполните какого-либо его желания — и этот безобидный человек начинает делать ужасные вещи. Гексли сказал где-то, что жизнь человеческая — это игра с невидимым партнёром. Попробуйте сделать в игре ошибку, и ваш невидимый партнёр сейчас же вас за эту ошибку накажет. Если Гексли прав, то приходится признать, что самой грубой и непростительной ошибкой в игре жизни является непомерный эгоизм. За ошибку подобного свойства человеку приходится более всего расплачиваться — разве только посторонние, следящие за игрой, не сжалются над ним и не примут на себя часть проигрыша.

Я предлагаю познакомиться с историей Уильяма Годфри Янгмена, и вы убедитесь, при каких странных порой условиях приходится человеку платить за совершённые им ошибки. Ознакомься

¹ Невымышленная история, пересказанная автором в сборнике «Strange Studies from Life» («Странные уроки, преподанные жизнью»).

с историей Янгмена, вы убедитесь также, что эгоизм не есть невинная шалость. Это коренное, основное зло жизни, ведущее к ужасным последствиям.

Приблизительно в сорока милях от Лондона и в близком соседстве с Тонбридж-Уэльсом, модным некогда курортом, есть небольшой городок Уодхерст. Город этот находится почти на самой границе Сассекского и Кентского графств. Местность богатая, живописная, и фермеры благоденствуют, сбывая свои продукты в Лондон, благо тот находится неподалёку.

В 1860 году здесь жил некто Стритер. Он был фермером, вёл небольшое хозяйство, и была у него дочь, очень красивая девушка. Звали её Мэри Уэльс Стритер. Ей было лет двадцать; высокая ростом и сильная, она прекрасно знала всю деревенскую работу, но в то же время бывала и в городе, где у неё имелись знакомые.

Был у Мэри Стритер приятель, молодой человек двадцати пяти лет. Познакомилась она с ним случайно, в одну из своих поездок в город. Девушка ему очень понравилась, он сделал визит в Уодхерст и даже ночевал в доме отца Мэри. Стритер не отнёсся к ухаживанию дурно. Ему, видимо, понравился этот бойкий и красивый молодой человек. Разговаривал тот интересно, оказался отличным собеседником, был весьма общителен. Неопределённые и неясные ответы он давал только в одном-единственном случае, а именно когда Стритер расспрашивал, чем тот занимается и каковы его виды на будущее.

Знакомство завязалось и кончилось тем, что ловкий горожанин Уильям Годфри Янгмен и простодушная, воспитанная в деревне Мэри Стритер стали женихом и невестой. Уильям успел за это время изучить Мэри как следует; но зато Мэри знала о своём женихе весьма немного. 29 июля приходилось в том году на воскресенье. Полдень миновал. Мэри сидела в гостиной отцовского домика; на коленях у неё лежал ворох любовных писем, полученных от жениха, и она их внимательно и по нескольку раз перечитывала.

Из окна был виден хорошенький зелёный лужок. Типичный английский деревенский садик: в нём росли высокие мальвы, громадные, качающиеся на стеблях подсолнухи. На красивых клумбах цвела красная гвоздика и кустики фуксий. Через полуоткрытое окно в комнату проникал слабый и тонкий аромат сирени. Откуда-то доносилось жужжание пчёл. Сам фермер по случаю воскресенья спал сладким послеобеденным сном, и гостиная находилась в полном распоряжении Мэри.

Всего любовных писем было пятнадцать. В одних говорилось только о любви, и они были восхитительны; в других встречались деловые намёки. Читая эти намёки, девушка сдвигала свои хорошенькие бровки. Взять хотя бы историю со страховкой: сколько хлопот стоила эта история её возлюбленному, прежде нежели она не устроила её! Конечно, её жениху лучше знать, чем ей, но всё-таки её поразило, что он несколько раз говорил о возможной смерти. Это ей-то умирать, такой молодой и здоровой! Иногда в самый разгар любовных объяснений он начинал пугать её разговорами о смерти. В одном из писем он ей писал:

Дорогая моя, я приготовил заявление и отнёс его в контору страхования жизни. Контора напишет госпоже Джеймс Бонн сегодня, а ответ она получит в субботу. Таким образом, мы с Вами можем поехать в страховое общество в понедельник.

В следующем письме, всего два дня спустя, он писал так:

Помните, дорогая, что Вы мне обещали. Вы обещали выйти за меня замуж и до замужества никому не говорить о страховке. Напишите, пожалуйста, миссис Джеймс Бонн, чтобы она сходила в страховое общество, а в понедельник мы съездим вместе и застрахуем нашу жизнь.

Эти выдержки из писем смущали Мэри; она ничего не могла в них понять. Но, слава богу, теперь с этим покончено, и деловые хлопоты не будут мешать их любви. Мэри уступила прихоти жениха, застраховав свою жизнь на сто фунтов. Ей пришлось заплатить за первую четверть десять шиллингов четыре пенса, но Мэри не жалела о деньгах: она успокоила своего Уильяма и избавилась от скучного дела.

Садовая калитка скрипнула, и на тропинке показался рассыльный со станции. В руке его было письмо. Увидав в окне девушку, он приблизился и подал ей письмо, а затем удалился, лукаво улыбаясь. Этот парень в плисовой куртке и тяжёлых сапогах считал себя вестником любви и посланником Купидона, но — увы! — он был посланником совсем другого, весьма мрачного языческого божества.

Девушка нетерпеливо разорвала конверт и прочла письмо.

Мэнор-плейс, 16, Невингтон.

Суббота, вечер. 28 июля.

Моя дорогая Мэри! Сегодня после полудня я отправил Вам письмо, и только после того выяснилось, что мне завтра не придётся ехать в Брайтон. Дела мои все завершены, и я могу теперь увидеться с Вами, о чём и уведомляю Вас настоящим письмом. Письмо это отправлю завтра утром к поезду, отходящему в 6 часов 30 минут со станции Лондон-бридж. Письмо я передам кондуктору, чтобы он отвёз его в Уодхерст. Кондуктору я заплачу сам, а рассыльному с Уодхерстской станции дайте что-нибудь. Ждать я Вас буду, дорогая, в понедельник утром, с первым поездом. Встретить Вас надеюсь на станции Лондон-бридж. Завтра я должен быть у дяди и поэтому приехать к Вам не могу. Но в понедельник вечером или, самое позднее, во вторник утром я провожу Вас назад домой. В Лондон же я вернусь во вторник вечером, чтобы быть готовым в среду приступить к делам. Вы знаете, какие это дела; я Вам говорил. Итак, я Вас жду в понедельник утром. Надеюсь устроить всё как следует. Пока что до свиданья, дорогая Мэри, извините, что не продолжаю письма. Нужно ложиться спать, чтобы завтра встать пораньше и отвезти письмо. Не забудьте, дорогая моя невеста, привезти мне или сжечь все мои письма. Целую Вас, жду в понедельник утром в четверть десятого. Не забудьте сжечь письма.

Вечно любящий Вас,

Уильям Годфри Янгмен.

Это было чрезвычайно настойчивое приглашение приехать повеселиться в городе. Но в письме попадались и странные вещи. Про какие такие дела, будто бы известные его невесте, говорил Янгмен? Никаких дел Мэри не знала. И затем, почему это Уильяму вздумалось требовать, чтобы она сожгла его любовные письма? Это требование не понравилось девушке, да и вообще повелительный тон письма задел её самолюбие, и Мэри решила послушаться жениха и не жечь писем: они были ей слишком дороги. С ними нельзя обращаться столь бесцеремонным образом, решила она.

И Мэри собрала все письма, счётом шестнадцать, уложила их в маленькую жестяную шкатулочку, в которой хранились все её незатейливые сокровища, и побежала навстречу отцу, который тем временем успел проснуться и спускался по лестнице. Мэри рассказала ему, что она едет к жениху в Лондон, где будет веселиться целый день.

В понедельник, ровно в четверть десятого, Уильям Годфри Янгмен уже стоял на платформе станции Лондон-бридж и ждал поезд из Уодхерста, в котором должна была приехать в столицу его невеста. По платформе ходило множество людей, и отыскать Янгмена в этой толпе было нелегко. В нём не было решительно ничего выдающегося или примечательного: роста и сложения среднего, наружность самая что ни на есть заурядная, он мог бы считаться полным ничтожеством, не будь в его характере непомерного себялюбия. Кто мог бы предсказать в ту минуту, что не далее как через сутки имя этого незаметного молодого человека станет известным всем трём миллионам жителей Лондона и приведёт их в ужас?

Себялюбие у Янгмена доходило до безумия. Он был глубоко убеждён, что важнее его желаний и капризов ничего на свете нет, что все должны склониться пред ним и выполнять его желания. Самоуверен он был до крайности и думал, что может обмануть весь мир. Пускай обман шит белыми нитками, что за беда? Раз он, Янгмен, задумал обмануть людей, так они и должны ему верить.

По профессии, как и его отец, Янгмен был портной, но занятие это его нисколько не удовлетворяло, и он, желая возвысить свою персону, поступил выездным лакеем к доктору Дункану в Ковент-Гардене. Некоторое время Янгмен преуспевал в своей новой должности, но в конце концов ему и это надоело. Он отказался от места и вернулся к отцу, где и жил за счёт родственников, тяжёлым трудом добывавших себе пропитание. Одно время Янгмен уверял родных, будто собирается заняться фермерством. Несомненно, эта идея зародилась в его праздной голове после того, как он побывал в Уодхерсте. Красивые коровы, жужжание пчёл и деревенский воздух понравились ему, и вот он пожелал сделаться фермером.

Но вернёмся к нашему рассказу. Уодхерстский поезд медленно подошёл к станции, и из окна одного вагона третьего класса выглянуло свежее, розовенькое личико Мэри Стритер. Увидав жениха, девушка покраснела ещё более. Влюблённые встретились. Янгмен берёт чемодан девушки и ведёт невесту по платформе, которая вся заполнена дамами в кринолинах и мужчинами в мешковатых панталонах — такая мода царила в Лондоне в 60-е годы.

Янгмен жил на юге Лондона, в Уолворте. Около самого вокзала стоял омнибус. Парочка забралась в него и доехала почти до самого дома.

Было одиннадцать, когда Уильям и Мэри приехали на Мэнорплейс, где жило семейство Янгмен.

Расположение квартир в этом доме показалось бы нашему современнику очень странным. В 60-х годах о «флэтах» в Лондоне и понятия не имели¹. И цели, осуществляемые «флэтами», достигались иным способом. Квартира в трёхэтажном доме снималась субъектом, который поселился сам в первом этаже, а второй и третий этажи сдавал жильцам. В первом жил квартирохозяин Джеймс Беван, второй этаж занимали супруги Бард, а третий — Янгмены. Стены в доме были тонкие, и, ходя по одной лестнице, жильцы знали всё друг о друге.

Чете Бард, например, было отлично известно, что молодой Янгмен привёз к родителям невесту. Когда Уильям и Мэри поднимались по лестнице, супруги Бард приоткрыли дверь и украдкой наблюдали за ними. Госюжа Бард потом показала, что Уильям обращался со своей невестой очень ласково.

Когда Янгмен привёл свою невесту на квартиру, там почти никого не было: отец уходил на работу в пять утра и возвращался только к десяти часам вечера; двое младших сыновей — мальчики одиннадцати и семи лет — ещё не пришли из школы. Дома была только мать — добродушная, хлопотливая, вечно погружённая в работу женщина. Она поздоровалась со своей будущей невесткой и стала с ней беседовать, расспрашивать о том о сём. Вполне естественно, что она интересовалась девушкой, которой суждено было вековать век с её сыном. После обеда жених и невеста отправились осматривать достопримечательности Лондона.

Никаких известий не осталось о том, как развлекалась эта странная парочка. Он, разумеется, вынашивал свой ужасный план, а она удивлялась его рассеянному виду и рассказывала ему дере-

¹ Здесь надобно отметить, что в означенную эпоху всякий уважающий себя англичанин считал неудобным жить в квартире, помещавшейся только на одном этаже, и, сообразно с этим, дома, сдаваемые в аренду, проектировались в Англии совершенно иначе, чем в России и в остальной Европе. У каждого квартиранта были помещения во всех этажах дома, а также лестница, идущая до чердака. Если представить себе такой пятиэтажный дом, то получалась квартира в девять или десять комнат. В нижнем этаже помещалась кухня, на втором — столовая, на третьем — гостиная и кабинет; поднимаясь выше, мы попадали в спальню, а на самом верху оказывалась комната прислуги. Такая система постройки домов, разумеется, сильно увеличивала плату за квартиры, и вот почему впоследствии, приравниваясь к карману бедных людей, в Англии стали строить европейские квартиры, где помещение ограничивалось одним этажом. Дома этого рода называли «флэтами» (теперь переводится как «квартира», от слова «flat» — плоский). «Флэты» предназначались для рабочих и бедняков. Средний же класс придерживался прежних традиций и жил в домах с многоэтажными квартирами.

венские новости. Бедная девушка! Она веселилась, а тень смерти уже витала над ней.

Впрочем, кое-что об этой экскурсии влюблённых известно. У отца Мэри Стритер был знакомый в Лондоне, некто Эдвард Спайсер. Это был трактирщик, весёлый, прямой человек. Заведение его — «Зелёный дракон» — помещалось на Бермондс-стрит. Мэри хотела показать жениха, и парочка явилась в «Зелёный дракон», где Уильям был представлен невестой Спайсеру. На последнего молодой человек почему-то произвёл очень дурное впечатление. Трактирщик отвёл невесту в сторону:

— Так ты хочешь выйти за этого молодца? Знаешь что? Возьми-ка уж лучше верёвку да повесься на чердаке. То на то и выйдет.

Но раз девушка влюблена, то всякие увещевания бесполезны. Слова трактирщика, оказавшиеся пророческими, по всей вероятности, не возымели на Мэри Стритер никакого действия.

Вечером Уильям и Мэри отправились в театр смотреть трагедию в постановке Макреди¹. Знала ли бедная девушка, сидя в набитом битком партере рядом со своим молчаливым женихом, что её собственная мрачная трагедия окажется куда страшнее всех сценических ужасов! На Мэнор-плейс парочка вернулась около одиннадцати часов вечера.

На сей раз трудолюбивый портной оказался дома. Ужинали все вместе, а затем пришла пора ложиться спать. В квартире было всего две комнаты. Мать, Мэри и семилетний мальчик легли в передней комнате. Отец лёг в задней комнате на своём верстаке, около него в постель легли Уильям и его одиннадцатилетний брат. Знали ли эти простые люди, ложась вечером в постель, что завтра о них и об их трагической судьбе будет говорить весь Лондон?

Отец проснулся, по обыкновению, очень рано. В серых очертаниях предрассветного воздуха он увидел что-то белое. Это был вставший с постели Уильям. Отец сонным голосом спросил, куда это он так рано собрался. Уильям снова улёгся, и оба заснули.

В пять часов старик встал, торопливо оделся и, спустившись в двадцать минут шестого по лестнице, запер за собой входную дверь. Таким образом, с места драмы ушёл последний свидетель и

¹ *Уильям Чарльз Макреди* (1793–1873) — выдающийся английский режиссёр и актёр. Один из первых деятелей английского театра, осуществивший ряд реалистических реформ в области режиссуры. Его заслугой является также восстановление на английской сцене подлинных текстов Шекспира, шедших до него обычно в переделках.

всё, что случилось после его ухода, известно лишь на основании логических выводов и косвенных улик. Точных подробностей случившегося никто не знает, и для меня, летописца, это, пожалуй, очень кстати, так как едва ли события, подобные излагаемому ниже, можно смаковать, вникая во все их ужасные подробности.

Я уже говорил, что внизу, под Янгменами, жили супруги Бард; в половине шестого, через десять минут после того, как из дому ушёл старик-портной, госпожа Бард проснулась: её разбудил шум, доносившийся с верхнего этажа. Казалось, что в квартире Янгменов бегают взад и вперед дети. Лёгкий топот голых ног явственно слышался сверху.

Женщина стала прислушиваться и наконец сообразила, что всё это очень странно: с какой стати дети принялись бегать и резвиться в такой необычный час? Госпожа Бард разбудила мужа и обратила его внимание на необычный шум. Оба сели на постели и стали слушать. И вдруг...

Вдруг они услышали громкий задыхающийся крик, и затем на пол над их головами упало что-то мягкое и тяжёлое.

Бард выскочил и бросился по лестнице вверх. Но на верхнюю площадку он не пошёл, ибо, ещё стоя на верхних ступенях, он заглянул в открытую дверь квартиры Янгменов. Его глазам представилось нечто такое, что заставило его дико закричать и поспешно броситься вниз. Ещё момент — и Бард стучался к Бевану, крича:

— Ради бога, откройте скорее! Здесь убийство!

Беван выскочил на лестницу. Он и сам слышал зловеющий стук от падения чего-то тяжёлого. Оба — и Беван, и Бард — опять поднялись по скрипучей лестнице наверх. Золотые лучи июльского солнца освещали их бледные и перепуганные лица.

Но и на этот раз они не добрались до места. Они остановились на ступеньке, с которой была видна площадка. На пороге двери и на площадке виднелись лежащие белые фигуры. Эти фигуры были залиты кровью. Зрелище было прямо до ужаса нестерпимое!

На площадке виднелось всего три трупа, а по комнате кто-то ходил; этот кто-то вышел на площадку. Перепуганные соседи увидели перед собой Уильяма Годфри Янгмена. Он был в одном нижнем белье, весь перепачканный кровью. Один рукав рубашки был разорван и висел. Увидав перепуганных соседей, Уильям крикнул:

— Мистер Бард! Ради бога, приведите поскорее врача! Может быть, ещё можно кого-то спасти!

Соседи побежали по лестнице вниз, а Янгмен крикнул им вдогонку:

— Это всё моя мать наделала! Она зарезала мою невесту и братьев, а я, защищаясь от неё... кажется, убил её...

Это объяснение Янгмен повторял до самой своей смерти. Но соседям рассуждать было некогда. Они бросились каждый в свою комнату, поспешно оделись и выскочили на улицу искать врача и полицию. А Янгмен стоял на верхней площадке и всё повторял своё объяснение.

Я воображаю, как сладок показался Бевану и Барду летний утренний воздух после того, как они выскочили из этого проклятого дома; представляю, как удивлялись честные продавцы молока, глядя на этих двух растрёпанных и перепуганных людей. Но идти далеко им не пришлось. На углу улицы стоял городской Джон Уорней, солидный и невозмутимый, как тот закон, который он представлял своей особой.

Городовой Уорней, вселяя в двух испуганных обывателей бодрость, медленно и с достоинством двинулся к дому, в котором произошла трагедия.

Увидав на лестнице лакированную каску полицейского, Янгмен вскричал:

— Смотрите только, что здесь произошло! Что мне делать?

Констебль Уорней и при виде кровавых тел остался невозмутимым. Янгмену он дал самый своевременный и практический совет:

— Одевайтесь и следуйте за мной!

— Но за что? — воскликнул молодой человек. — Я убил мать, защищая себя, ведь и вы поступили бы так же. Я не нарушил закона!

Констебль Уорней не любил высказывать своих мнений о законе и был вполне убеждён, что лучшее, что может сделать в данном случае Янгмен, — это одеться и следовать за ним.

Между тем на улице перед домом стала собираться толпа и на место происшествия прибыли другой констебль и полицейский инспектор. Положение было совершенно ясное: правду или нет говорит Янгмен, но в убийстве матери он признался и, стало быть, должен быть арестован.

На полу был найден нож, погнувшийся от сильных ударов. Янгмен вынужден был признать, что этот нож принадлежит ему. Оглядели и трупы. Раны были ужасны: такие раны мог нанести только человек, обладающий мужской силой и энергией. Выяснилось, таким образом, что Янгмен заблуждается, называя себя жертвой

обстоятельств. Совершенно напротив, Янгмен оказывался одним из величайших злодеев нашей эпохи.

Но прямых свидетелей не было: злодейская рука заставила замолчать всех — и невесту, и мать, и малолетних братьев. Бессмысленность этого ужасного преступления поразила всех. Негодование общества было чрезвычайно велико. Затем, когда открылось, что Янгмен застраховал в свою пользу жизнь бедной Мэри, стало казаться, что повод к преступлению найден. Обратили внимание на то, что обвиняемый лихорадочно торопился закончить дело со страховкой. И зачем он просил невесту уничтожить его письма? Это были наиболее тяжкие улики против Янгмена.

Но в то же время как Янгмен мог зарегистрировать и получить страховую сумму из общества «Аргус», не будучи ни мужем, ни родственником Мэри? Ведь всё это было до крайности нелепо и заставляло думать, что преступник или круглый невежда, или сумасшедший.

Стали исследовать дело с этой стороны, и оказалось, что безумие было не чуждо предкам Янгмена. Мать его матери и брат отца содержались в психиатрических больницах. Дед Янгмена (отец портного) также одно время находился в сумасшедшем доме, но перед смертью «пришёл в разум».

Основываясь на этих данных, приходилось признать, что деяние на Мэнор-плейс надо зарегистрировать не с уголовной, а с медицинской точки зрения. В наше гуманное время Янгмена едва ли бы повесили, но в 60-х годах на преступников глядели иначе.

Дело разбиралось в главном уголовном суде 16 августа. Председательствовал судья Уиллионс. На суде выяснилось, что нож, которым было совершено убийство, Янгмен приобрёл заблаговременно, он даже показывал его в каком-то кабачке своим знакомым, и один из них, добрый британец, преданный закону и порядку, тогда заметил, что мирному гражданину носить такой нож не пристало. Янгмен на это отвечивал:

— Всякий может защищать себя при надобности таким способом, какой сочтёт нужным.

Добрый британец едва ли подозревал, что беседует с невменяемым и находится на волосок от смерти.

Жизнь обвиняемого была подвергнута самому тщательному исследованию, но ничего компрометирующего этот анализ не дал. Янгмен продолжал упорно стоять на своём первоначальном показании. Судья Уиллионс в своём резюме сказал, что если бы обви-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Гелевá. История возникновения русских «апокрифов»</i> А. Конан-Дойля.	5
---	---

РАССКАЗЫ

Вечер с нигилистами. <i>Перевод П. Гелевы</i>	23
Кровавая расправа на Мэнор-плейс. <i>Перевод П. Гелевы</i>	36
Дорога домой. <i>Перевод И. Миголатьева</i>	47
Ужас расщелины Голубого Джона. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	61
Наследница из Гленмэголи. <i>Перевод П. Гелевы</i>	77
Тайна замка Свэйлклифф. <i>Перевод В. Полякова</i>	96
De profundis. <i>Перевод В. Воронина</i>	128
Приключения лондонского извозчика. <i>Перевод П. Гелевы</i>	138
Зеркало в серебряной оправе. <i>Перевод С. Леднёва</i>	148
Бочонок икры. <i>Перевод П. Гелевы</i>	157
Чёрный доктор. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	171
Тайна золотого прииска. <i>Перевод С. Леднёва</i>	186
Центурион. <i>Перевод П. Гелевы</i>	219
Эпигон Джорджа Борроу. <i>Перевод А. Нестерова</i>	224
Кожаная воронка. <i>Перевод В. Воронина</i>	236
Джордж Вени и привидение. <i>Перевод В. Полякова</i>	248
История любви Джорджа Винсента Паркера. <i>Перевод П. Гелевы</i>	266
Литературная мозаика. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	277
Сошёл с дистанции. <i>Перевод А. Дубова</i>	294
Тень грядущего. <i>Перевод П. Гелевы</i>	311
Человек с часами. <i>Перевод В. Воронина</i>	324
Глас науки. <i>Перевод И. Миголатьева</i>	340
Последнее плавание «Матильды». <i>Перевод П. Гелевы</i>	348

СОДЕРЖАНИЕ

Хирург с Гастеровских болот. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	355
Жена физиолога. <i>Перевод П. Гелевы</i>	380
Секрет комнаты кузена Джеффри. <i>Перевод С. Леднёва</i>	399
Алая звезда. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	422
Капитан «Полярной звезды». <i>Перевод Е. Туевой</i>	429
Ветеран Ватерлоо. <i>Перевод П. Гелевы</i>	453
Почему в новых домах водятся привидения. <i>Перевод П. Гелевы</i> . . .	466
Хозяин Фолкэнбриджа. <i>Перевод А. Горского и Л. Шеффера</i>	478
Мечь лорда Сэннокса. <i>Перевод В. Воронина</i>	501
Легионы уходят. <i>Перевод П. Гелевы</i>	510
Подъёмник. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	516
Тайна Колверли-Корта. <i>Перевод П. Гелевы</i>	527
Отстал от жизни. <i>Перевод Н. Высоцкой</i>	559
Блюмендайкский каньон. <i>Перевод А. Дубова</i>	563
Ящик с железными застёжками. <i>Перевод П. Гелевы</i>	588
Сквозь завесу. <i>Перевод П. Гелевы</i>	618
Полосатый сундук. <i>Перевод А. Горского</i>	623
«До четвёртого колена». <i>Перевод П. Гелевы</i>	635
Охотник за жуками. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	645
Убийца, мой приятель. <i>Перевод А. Дубова</i>	659
Крепостная певица. <i>Перевод А. Дубова</i>	680
Нашествие гуннов. <i>Перевод С. Маркиша</i>	702
Его первая операция. <i>Перевод Д. Жукова</i>	712
Привидение из Лоуфорд-Холла. <i>Перевод П. Гелевы</i>	717
Новые катакомбы. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	729
Из врачебной практики. <i>Перевод П. Гелевы</i>	741
Плутовские кости. <i>Перевод В. Полякова</i>	749
Тайна особняка на Даффодил-Террас. <i>Перевод В. Полякова</i>	761
Карета призраков. <i>Перевод С. Леднёва</i>	777
Дуэль на сцене. <i>Перевод П. Гелевы</i>	800
Саксы приплыли в Англию. <i>Перевод А. Дубова</i>	830
Успехи дипломатии. <i>Перевод Г. Злобина</i>	837
Гостиница со странностями. <i>Перевод В. Полякова</i>	850
Сухопутный пират. <i>Перевод А. Горского</i>	877
Вот как это было. <i>Перевод Е. Нестеровой</i>	890